1991. – 1 янв. – с. 4

Новогоднее интервью и стихи Расула ГАМЗАТОВА

«ХОЧУ ЛЮБОВЬ ПРОВОЗГЛАСИТЬ СТРАНОЮ...»

Героя моего новогоднего интервью представлять читателям не надо: кто не знает Расула Гамзатова, чья поэзия любима миллионами людей, говорящих на самых разных языках! Мы встретились с Расулом Гамзатовичем за два дня до Нового года. День был сумрачный, в гостиной горели свечи, их трепетное пламя создавало ту неизъяснимо волнующую атмосферу ожидания чуда, что обычно предшествует новогоднему празднику. Так мы и беседовали — при свечах.

— Расул Гамзатович, прежде всего хотелось бы поздравить вас «от имени и по поручению» читателей и журналистов «Советской России» с наступающим Новым годом. Старый год уходит в историю. Чем, по-вашему, он останется в памяти людей?

— Мне трудно ответить на этот вопрос, потому что много осталось незавершенных дел, нерешенных проблем, отсюда, наверное, идет мое чувство неудовлетворенности и прошедшим Съездом, и общественной атмосферой, да и собою. Мы много заседали, много говорили, мало делали. Беремся решать в глобальных масштабах проблемы всей страны, не решая их конкретно на том или другом участке. Даже мудрые слова не могут исправить неверную дорогу. А мы вместо того, чтобы укреплять дорогу, разрушаем ее. Все ударились в политику. Пионеры политизированы, солдаты и поэты — тоже, идет борьба, игра амбиций, самолюбий лидеров... Надо освободиться от личных пристрастий и задуматься — хорошо ли будет от наших решений миру, стране, каждому человеку. Думаю, в политике всем не обязательно быть великими, но взрослыми быть обязательно.

Все шесть лет перестройки нам говорят: так, как мы жили, жить нельзя. Это, я думаю, несерьезное заявление. Мы жили и плохо, и несправедливо — и об этом много сказано, но мы жили и не плохо, и это тоже правда. Теперь пора уже осмыслить сегодняшний день. Как мы живем — это итог прошлого и прогноз на будущее. А мы все ругаем прошлое, хотя уже давно пора сказать: так, как мы живем сейчас, жить нельзя.

Мы страдаем от многословия. Об обновлении говорим много, но обновлять жизнь даже не стремимся. Только разрушаем то, что сделано до нас. Гоголь сказал в свое время: «Делаются такие вещи сейчас — что кружится голова, особенно когда видишь, как законы и власти сами стараются себя подорвать и подкапываются под собственный фундамент. Разногласие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается созидания и устройства, там раздор, нерешительность, опрометчивость»...

— Как будто о сегодняшнем дне сказано!

— Не как будто, а точно!..

Гоголю замечательно вторит Салтыков-Щедрин: «Сколько всевозможных союзов опутали человека со всех сторон!» Объединяющее слово нам нужно сейчас, потому что делается все, чтобы нас разъединить. Октябрьскую революцию объявили преступным экспериментом, ошибкой, даже вокруг Великой Отечественной войны возвели частоколы лжи. Не знаю, может, Октябрьскую революцию надо было делать по-другому, я не хочу опровергать мысль, что были и тогда ошибки — мы все крепки задним умом и ошибками отцов, но абсолютно убежден: революция для горцев Дагестана не была ошибкой. Моему маленькому народу она дала большую судьбу, хотя и были потери, которых можно было бы избежать. Надо разобраться, изучить, понять, наконец. Вместо этого сплошь ругань, сплошь отрицание.

Если захотеть и поискать, и у Ленина можно найти и плохое, и хорошее. И выискивают плохое, и пишут, и печатают. Но я во имя будущего, ради завтрашнего дня искал бы у каждого человека, кто бы он ни был,— хорошее.

— Классики говорили, что человечество, смеясь, расстается со своим прошлым. С чем, на ваш взгляд, нашему обществу надо бы расстаться?

— Как-то я дал вашей газете интервью, в котором протестовал против осквернения памяти Горького, Маяковского, Блока, Тихонова, и вот один из читателей, офицер из Саратова, написал мне, что я весь в прошлом. Тихонов, оказывается, «приспешник Жданова», и вообще он такой-сякой, был секретарем Союза писателей — реакционной организации и т. д. и т. п. Письмо очень характерно для наших дней — какое-то озлобленное, безапелляционное, а главное — бездоказательное. В нашем Союзе писателей, конечно, много было архитектурных излишеств, но в нем работали выдающиеся писатели, и они творили и писали историю нашего Отечества. А почему Тихонов вдруг стал «приспешником Жданова»? В самые тяжелые сороковые годы он возглавлял Союз писателей, всячески помогал людям, а если быть совсем уж точным, то надо вспомнить, что именно печально памятным постановлением о журналах «Звезда» и «Ленинград» он был снят с этого поста — «за усыпление бдительности». Не понимаю, как можно назвать замечательного поэта приспешником и убийцей? Так ведь, пожалуй, можно всех под расстрел подвести. Мы часто путаем государство с родиной, поэт больше принадлежит Родине. Если бы сейчас на дворе был 37-й год, то по заявлениям, доносам и по некоторым статьям, публикующимся в печати, наверное, половина интеллигенции уже была бы отправлена в ГУЛАГ. Наше счастье, что эти времена миновали безвозвратно.

Ни исповеди, ни покаяния, ни проповеди, а тем более месть нам не помогут. Нам помогут всеобщее прощение и крепкое рукопожатие. Неужели мы протянем друг другу руки только для соболезнования?

Знаете, что запомнилось мне на одном из съездов? Шла очередная ожесточенная дискуссия, зал шумел, и вдруг откуда-то в кремлевский зал прилетела ласточка. Она описывала круги по залу, а мы ей аплодировали, этой отважной крохе, провозвестнице весны, о которой мы просто забыли в своем ожесточении.

Нам надо, смеясь, расставаться со своими пороками, но — не с историей. Если мы защитим границы любви — мы защитим без боя границы земли.

— Может, попытаться что-то отбросить, как в Венеции выбрасывают в новогоднюю ночь из окон старые вещи? Давайте в эти последние часы уходящего года поговорим о более приятных вещах. Как встречают Новый год у вас в Дагестане?

— У нас в горах Новый год не отмечался тысячелетиями. Мои предки пришли к выводу, что новый год — всего лишь повторение старого. Начали праздновать его после революции, потому что каждый год приносил новизну. А из глубин веков идет праздник первой борозды — навруз, начало сева, приход весны, обновления земли. В том, наверное, есть великая мудрость, завещанная нам предками: быть сеятелями на своей земле.

— Расул Гамзатович, а вы любите Новый год как праздник?

— Раньше любил, теперь же люблю обыкновенный день новым делать. Люблю беречь старых друзей и приобретать новых. Люблю встречи с чем-то новым, незнакомым, например, с диковинной птицей, цветком. А праздники... Люблю все те, что объединяют людей, например, праздник белых журавлей. Наверное, возраст тоже накладывает отпечаток, но я смотрю с удивлением: молодежь сейчас не очень-то их жалует.

— Сбылись ли ваши юношеские надежды?

— Надежды у всех были большие, одни сбылись, другие — увы! Хуже другое: начались разногласия между людьми. Говорю об этом и в праздник, потому что душа болит, не успокаивается. Раздоры стали нормой, и это зовется демократией. Но разве это демократия, если в семье нет порядка, нет лада?

Сейчас зазорно стало называть русских не то что старшим, но и просто братом. Иные русские тоже не прочь обвинить других в разных грехах. Для меня этот вопрос принципиальный. Я являюсь ярым противником тех, кто неуважительно говорит о России. Россия не только не отрицала, но, напротив, утверждала мою нацию, мой язык, мой народ. Будь все иначе, я бы, наверное, тоже отрицал другие народы. В то же время презираю тех русских,— а они русские только по происхождению, не по духу,— которые высокомерно, шовинистически говорят о других языках и культурах.

Моя начальная школа — это аварская школа, аварская литература. Средняя школа — это все дагестанские народы, я учился у них любви и дружбе. Высшая школа — это Россия и через Россию — мировая литература. Не знаю, заслужил ли я отличных отметок в этих школах, но они поселили в моем сердце вечную тревогу о судьбах народов...

— Расул Гамзатович, хочу снова вернуть вас к теме нашего разговора. Все-таки Новый год — удивительный праздник, и даже сейчас, в наше смутное время, в нем остались неизъяснимая прелесть, очарование и тайна. И сколько бы лет нам ни было, мы всегда ждем чуда и надеемся, что оно непременно случится. О чем мечтает в новогоднюю ночь добрый, мудрый волшебник Расул Гамзатов?

— Ну единственное, о чем я мечтаю, чтоб человек был страной доволен, а собой — недоволен. Сейчас все наоборот. Собой довольны все — от правительства до рядовых, а страну ругают тоже все. Вот если станем недовольны собой, да начнем работать как следует, тогда и климат изменится и взаимоотношения людей станут лучше. А пока процветает самодовольство. Собственное мнение превратилось в самомнение. А я предпочитаю сомнения.

Есть у меня и пожелание лично для себя, для нас с Патимат. Много лет мы поднимаем вопрос о воссоздании панорамы Рубо «Покорение Кавказа». Эта первая из трех знаменитых панорам Рубо была написана в Мюнхене в 90-х годах прошлого века. После триумфального показа ее в Европе, за что он и был удостоен ордена Святой Марии и профессорского звания, Рубо выставил ее в России на Нижегородской ярмарке. Панорама произвела большое впечатление на императора и была приобретена для тбилисского Музея славы. А уже после революции ее передали в Дагестанский краеведческий музей, условия хранения там были плохими, короче, из 1200 квадратных метров осталось три небольших фрагмента. К счастью, удалось в Эрмитаже отыскать фотографии, можно приступать к работе. Наша мечта с Патимат — воссоздать панораму и построить для нее павильон. Если Министерство культуры и общественность помогут — сделаем большое дело.

Тут к разговору подключается жена поэта Патимат Саидовна — заслуженный работник культуры ДАССР, РСФСР, директор Музея изобразительных искусств. Улучив минуту, спрашиваю ее: «Новый год — это семейный праздник. Чего бы вы пожелали россиянам?»

— Несмотря на то, что у нас много проблем бытовых, самая большая и тяжелая — это духовное несогласие в обществе. И поэтому желаю благополучия, счастья, мира, согласия и взаимопонимания в каждой семье и в стране. Отсутствие согласия сегодня равносильно гибели.

— Мы за годы перестройки многое потеряли,— продолжает разговор Расул Гамзатович,— посмотрите, ни одной новой песни не появилось. То есть поют много, а вот такой песни, чтобы всем спеть за праздничным столом, нет.

— А ведь раньше были песни, которые пел весь народ, правда?

— «Подмосковные вечера», «Я люблю тебя, жизнь», «Вальс о вальсе»... А сейчас ни одной песни нет. Новый год настает, что петь будем в семейном кругу?

— Будем петь старые песни. Ваши!

— Нужны новые. Но я смотрю, и новых спектаклей мало, нет и романов, повестей, которые бы все читали. Пусть они появятся в новом году.

— Расул Гамзатович, ваш новогодний тост?

— У меня к Новому году новых тостов не бывает. У меня есть кредо, есть старый тост. А вообще-то до революции у нас в Дагестане тостовой культуры не было. Но это к слову. В Новый год я скажу о каждом, кто будет за моим столом, добрые слова. В этот день люди должны быть добрыми и запастись добротой на целый год. Не добряками, как те профессора, что ставят студенту-неучу отлично. Не такая доброта нам нужна, но обращенная к человеку. Я подумаю и найду для каждого такое слово. Отмечу женскую красоту и мужскую отвагу, уважу седины старцев и отдам должное дерзости младших — всем друзьям найду нужное слово. Новый год мне право дает, когда бокал в руке, сказать от души всем, даже тем, кто меня когда-то обидел, добрые слова. Обиды я оставляю в старом году.

Но самые добрые слова я скажу о Родине. Ее забывать нельзя, особенно когда ей трудно.

С Новым годом, друзья!

С поэтом беседовала Надежда ГАРИФУЛЛИНА.